
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Лелея семена сообществ

Рецензия на книгу: Забаев И.В., Мелкумян Е.Б., Орешина Д.А. и др. (ред.) (2015) Невидимая Церковь. Социальные эффекты приходской общины в российском православии. М.: ПСТГУ.

Е.С. БЕРДЫШЕВА *

*Бердышева Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований, НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 9-11, к. 530. E-mail: eberdysheva@hse.ru

Цитирование: Berdysheva E. (2015) Cherishing the Grains of Social Communities. *Mir Rossii*, vol. 24, no 4, pp. 175–183 (in Russian)

В 2015 году в издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета опубликован сборник статей, резюмирующих ряд эмпирических исследований религиозности как параметра, направляющего поведение россиян за пределами церковной ограды.

Ключевые слова: Российская Православная Церковь, конфессиональный университет, приход, община, религия, ценности, социальные сети, социальная работа, фертильное поведение

В 2015 г. в издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) опубликован сборник статей «Невидимая церковь. Социальные эффекты приходской общины в российском православии» под редакцией И.В. Забаева, Е.Б. Мелкумяна, Д.А. Орешинной и др. В рецензии книга освещается с позиции заинтересованного читателя, чьи исследовательские интересы при этом лежат за пределами социологии религии. Автором рецензии последовательно рассматриваются статьи каждого из разделов сборника, артикулируются исследовательские вопросы, возникающие по прочтению.

Прежде чем перейти к обсуждению представленных в сборнике статей (а все они, к слову, ранее опубликованы в различных российских рецензируемых журналах), видится важным пояснить тот факт, что издан он издательством конфес-

сионального университета. Едва ли для России, страны, которая в XX в. пережила форсированную секуляризацию, социологический труд, родившийся в такой институциональной рамке, обыденное событие, хотя, например, в Европе предтечи университетов возникали в церковных образованиях, монастырских школах. Современные же успешные западные университеты нередко являются конфессиональными [Забаев 2014]. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, таким образом, – явление весьма созвучное европейским веяниям. Сказанное, впрочем, не отменяет особенности рассматриваемого сборника, только проистекает она не столько из религиозного обрамления исследовательской площадки, сколько из организационной специфики ПСТГУ как такового (напр., [Павлюткин 2012]).

Цель сборника состоит в том, чтобы оценить социальные эффекты деятельности Российской Православной Церкви, причем оптика исследований неявно предполагает, что можно рассчитывать на обнаружение эффектов позитивных. Авторы последовательно развивают это предположение в трех разделах сборника, искусно используя категориальный язык классической и современной европейской социологии и не отступая от намерения разобраться в механизмах, которые способствовали бы продуктивному соучастию Российской Православной Церкви (РПЦ) и российского общества в решении общих для всех проблем.

Выбранная аналитическая позиция противопоставляется авторами изучению церкви через ее храмово-литургическую ипостась, а также стигматизирующему подходу, выводящему на первый план отрицательные стороны церковной жизни, начиная с подозрительной солидарности с государством и заканчивая добропорядочностью священников. Независимо от обсуждаемого контекста авторы не просто фиксируют религиозный фактор, но раскрывают его через широкий спектр практик РПЦ, начиная с *кормления* бездомных и заканчивая *духовным окармливанием* членов приходской общины и причастных к ней невоцерковленных. На переднем плане повествования оказывается артикулируемый авторам запрос представителей Российской Православной Церкви на формирование в России сильных приходских общин, и фактически все статьи сборника осмысливают шансы на то, чтобы этот запрос смог состояться.

Как показывает в статье «“Сакральный индивидуализм” и община в современном русском православии» И. Забаев [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 31–48], помимо макропрепятствий на пути сближения общества и церкви, в России (в виде опыта форсированной секуляризации, слабости религиозного воспитания, сложности с «подключением индивида к религии» и пр.) весьма ощутимые ограничения возникают и на уровне отдельного индивида, например, в смысле того, что церковь для современного россиянина служит пристанищем сакрального, недоступного для сообщества людей. Россияне идут в церковь, чтобы приблизиться к Богу, а не на групповую психотерапию или за межсемейными трансфертами. Именно поэтому практики исповеди, причастия и прочие оказываются чуть ближе к опыту слабовоцерковленного человека, чем иные формы ее деятельности.

Но РПЦ нацелена на сеяние семян социальных сообществ. И в общем-то благодаря прочтению статей сборника удастся убедиться, что современное российское общество также нуждается в подобных всходах, что там, где люди оказываются причастны к сильному церковному приходу, они находят в ней источник жизненных сил.

Можно ли стимулировать действенную причастность к Храму? Судя по результатам исследований, представленных в сборнике, – да. Путем прибегания

к формуле «не заботимся о том, кого любим, а любим того, о ком заботимся». Как пишут в статье «Специфика социальной работы на приходах Русской Православной Церкви: проблема концептуализации» И. Забаев, Д. Орешина и Е. Пруцкова [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 122–140], «одной из целей социальной работы Церкви является производство желающих помогать» [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 128]. Представляется, что в этом пункте авторам удается приблизиться к чему-то основополагающему. Ведь чем иным, как не успехом на производстве желающих помогать можно объяснить констатируемый в статье «Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследования с помощью методов социально-сетевых анализа», написанной И. Забаевым, Д. Орешиной и Е. Пруцковой [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 49–76], «высокий мобилизационный потенциал» социальных сетей, которые складываются вокруг сильных приходов и постоянно расширяются за счет присоединения все новых слабощерковленных членов. Причем, по-видимому, чем понятнее задачи околицерковной работы, тем с большей готовностью люди в нее включаются.

Возможно, целительная органическая солидарность – это не так и трудно? В статье «Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследования с помощью методов социально-сетевых анализа» показано, что социальные сети оказываются шире у тех членов общины, которые вкладывали в социальное взаимодействие не деньги, а внимание и время [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 67]. Проговаривание проблемы – важная фасилитирующая практика, активно применяемая в психосоматической медицине, и, похоже, в обществе, где популярность набирает «жизнь соло», важность общения скоро придется обосновывать научно и продвигать с помощью Церкви.

Каковы шансы на то, что в церкви у дома можно обнаружить сильный церковный приход? Как показано в статье И. Забаева и Е. Пруцковой «Община православного храма: пространственная локализация и факторы формирования (на примере г. Москва)» [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 16–30], границы сильных приходских общин далеко не всегда имеют территориальную локализацию. Сильные общины на приходах возникают, но нередко члены этих общин добираются на встречу со всех концов Москвы. И хотя «фактор пространственной близости все же до конца не утратил своего значения» [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 28], механизмы возникновения сильных общин едва ли связаны со сплоченностью в пределах общей территории. В качестве явного фактора фиксируется личность настоятеля, однако речь идет не о харизматическом лидерстве (которое едва ли может стать надежным драйвером развития общин в долгосрочной перспективе). Особую важность (и этот момент прослеживается в нескольких статьях сборника) имеет способность настоятеля выстроить вокруг церковного прихода внебогослужебную деятельность.

Отдельной сюжетной линией сборника ведется поиск позитивных эффектов приходской общины в конкретных областях социальной жизни – в области образования и социальной работы, в сфере семьи и вопросах рождаемости. Общий тон поиску задает статья И. Забаева и И. Павлюткина «Университет и два значения ответственности: объективация общественных эффектов образовательных институтов (на примере опроса выпускников православного университета)» [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 100–121], которая обозначает дихотомию «формальное-содержательное», «инструментальное-ценностное» как ключевую аналитическую категорию. Через это противопоставление Забаевым и Павлютки-

ным обосновываются, например, социальные ориентации выпускников ПСТГУ, отличающихся от выходцев иных университетов, в большей мере изоморфных обществу аудита. На нее же в статье «Специфика социальной работы на приходах Русской Православной Церкви: проблема концептуализации» выходят И. Забаев, Д. Орешина и Е. Пруцкова, когда подмечают неготовность служителей церкви формализовать социальную работу своего прихода [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 122–140].

О значимости этого противопоставления, в сущности, говорит Е. Павлюткина в статье «Скрепление и ответственность: специфика некоммерческих организаций в работе с бездомными (на примере религиозных организаций)» [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 141–160], когда сталкивается с противоположными по смыслу стратегиями государственных и некоммерческих религиозных организаций в отношении бездомных.

Конечно, указанный ракурс – лишь малая толика результатов, представленных в каждом из текстов, и вопросы, которые они побуждают, выходят далеко за пределы изучения эффектов РПЦ. Так, не только выпускники православного университета доказывают, что быть православным не значит быть несовременным, но и сама статья Забаева, Павлюткина «Университет и два значения ответственности: объективация общественных эффектов образовательных институтов» [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 100–121], скорее, описывает трансформации, переживаемые российской системой высшего образования на фоне включения российских университетов в международный академический рынок. Кажется, что в конфессиональном университете получается избежать ряда негативных эффектов маркетизации академического труда. Однако любопытно было бы узнать, какое место проанализированный случай Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета занимает в ряду иных конфессиональных университетов в России. Неясно также, как «вычесть» из анализа тот факт, что студенты конфессионального университета, скорее всего, делают выбор в его пользу неслучайно. Кроме того, ничто не мешает и конфессиональному университету примериться к рельсам международной интеграции. Удастся ли ему удержаться за содержательное в своей деятельности, и если да, то благодаря чему?

Нужно сказать, что вопрос о месте религиозного фактора как объясняющей переменной возникает и в отношении других текстов сборника. Например, в уже упомянутой статье Е. Павлюткиной фиксируются две логики работы с бездомными: одна нацелена на защиту общества от девиантов без места жительства, другая – на помощь им. В первой логике, якобы, работают государственные организации, занимающиеся социальной работой в данной области. Во второй – некоммерческие организации, рассматриваемые на примере религиозных. Несмотря на целостность текста, подобное разделение мира на черное и белое вызывает вопросы: так, в статье совсем мало говорится о том, как НКО выбирают себе направление деятельности, почему для изучаемых организаций в фокусе оказывается именно работа с бездомными. Тем более, неясно, в какой мере религиозный характер организаций влияет на то, как они интерпретируют свои задачи. Иными словами, что оказывается той благодатной почвой, на которой произрастает установка на помощь бездомным? Вписанная в сборник «Невидимая церковь» статья, вроде бы, тем самым утверждает, что фактор религиозности здесь первичен, однако если посмотреть интервью с представителем какой-нибудь российской НКО, выясняется, что категория помощи лейтмотивна для волонтерской деятельности как таковой

(напр., [Волонтерство – это пространство добра 2015]. При этом одна из больших тем таких организаций – это взаимоотношения с государством, характер которых, как кажется, способствует тому, что уже сами добровольческие проекты, а не их подопечные чувствуют себя выброшенными за борт. Через представленный в статье Е. Павлюткиной материал не удастся понять, в чем все-таки состоит ресурсность, интегрирующий потенциал религиозных НКО в работе с бездомными, отличающая их от государственных игроков, действующих очень формально. Может быть, религиозный контекст содержит установку на то, чтобы не просто посмотреть в сторону человека, но увидеть его, и тогда продуктивно было бы осветить вопрос о том, как, например, работники НКО выстраивают свое личное отношение к бездомным, с помощью каких аргументов они нормализуют ситуации подобных девиаций, когда с ними сталкиваются. В это же время в какой мере позиция госслужащих задана тем, что они заняты именно в государственной организации? Две зафиксированные в исследовании логики работы с бездомными – это альтернативы, между которыми можно выбирать? Или скорее речь идет о разделении труда между разными типами институциональных акторов в данном поле?

В отличие от малопредставленной в российских социологических исследованиях темы работы с бездомными, проблематика деторождения, напротив, активно изучается. И, казалось бы, что нового можно сказать там, где спор давно уже ведется на уровне конкурирующих гипотез, а преимущество в нем достигается не объяснительной силой аргументации, а качеством статистических моделей анализа данных? Тем не менее заход в эту тему в логике обоснованной теории, реализованный в статьях И. Забаева, Е. Мелкумян, Д. Орешинной, И. Павлюткина и Е. Пруцковой «Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость» [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 174–193] и И. Забаева «Рациональность, ответственность, медицина: проблема мотивации деторождения в России в начале XXI в.» [Забаев, Мелкумян, Орешина и др. 2015, с. 216–267], убедительно свидетельствует, что фертильное поведение не может быть удовлетворительно объяснено имеющимися концептами, сколько бы «социологических» переменных ни поместилось в уравнение Минцера.

На уровне микроданных выбор в пользу деторождения раскрывается через категорию ответственности. Решение позвать в свою жизнь ребенка, как с разных сторон показывают авторы, сложно именно этим – необходимостью взять на себя ответственность за жизнь другого человека. Это особенно трудно на фоне того, что в современном детоцентристском обществе дети обладают в первую очередь эмоциональной ценностью для родителей. Врачи (чья высокая ответственность так часто эволюционирует до цинизма) очень не любят лечить родных – тяжело болеть душой за того, кто болеет. Родители же должны принять такую обязанность по умолчанию. И это происходит в обществе риска, самой распространенной ячейкой которого является малодетная нуклеарная семья. Поэтому, как показано авторами, люди легче решаются на родительство и даже многодетство, если есть с кем разделить ответственность – с Богом или хотя бы со знакомыми из приходской общины; поэтому родительство одних помогает в деторождении другим, причем не только морально, но и в форме практической информации о том «вот как это происходит, вот как с этим можно справляться».

Выходя на главную дилемму фертильного поведения через категорию ответственности, авторы, как кажется, делают большой шаг. За фасадом обыденной категории скрывается целый ряд новейших тенденций современного российско-

го общества, успешно осваивающего западный тип мышления. Последний же, начавшись в эпоху Просвещения с артикуляции абсолютной бесценности уникальной человеческой жизни, четыре века спустя разворачивается в социальные идеи перфекционизма, приоритета самореализации над другими жизненными ценностями, поиска управляемости и иллюзии подконтрольности биологических и психологических процессов в жизни человека. Апогеем же становится проблема родительства.

Альтернативный взгляд на факторы деторождения – не единственная в сборнике иллюстрация аналитических преимуществ мягких методов с их особым бережным, кропотливым, «просеивающим» отношением к данным, их потенциала для развития социологической теории. Например, можно много рассуждать о том, какую часть своей жизни современные россияне готовы посвятить храму. Но насколько точно улавливается доминирующая тенденция, когда читаешь о том, что священники, воодушевленные идеей устройства сильной приходской общины, стремятся к тому, чтобы внутри прихода сплывались «*прихожане*», однако на деле в силу подвижности территориальной конфигурации приходских общин в России среди членов общины преобладают «*приезжане*», а среди объявляющих себя православными по самоидентификации и вовсе «*захожане*», посещающие церковь эпизодически. Примечателен и проступающий через цитаты язык, на котором говорят священники и воцерковленные россияне: не больные, а *болящие*, не старушка, а *бабушка*.

Подобные проявления светлого хочется принять за живые свидетельства качества того режима жизни, в который удастся погрузиться людям, приобщившимся к сильному приходу. Однако в российском контексте воодушевлению от прочтения работ о социальных эффектах церковных приходов несколько мешает тот факт, что эти работы выполнены авторами и отрецензированы экспертами, которые выступают защитниками РПЦ. Некоторую приторность подмечаемых сплошь и рядом позитивных эффектов воцерковленности хочется разбавить данными о том, как, например, форсированная секуляризация в России повлияла на саму Церковь, способствовала ли она ее внутренней интеграции как гонимых извне или привела к тому, что навыки проживания богообразной жизни были утрачены и представителями Церкви тоже. Во вступительном слове авторы вооружаются проверенной конфуцианской максимой о том, что «трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно, если ее там нет». Однако почему-то никто из авторов так и не ставит вопрос о том, что трудность поискового мероприятия все-таки значительно обусловлена тем фактом, что кошка черновата.

Тем не менее беспечно было бы ожидать незначительного эффекта от исследовательского труда, изучающего общество сквозь призму религиозного фактора – этого столпа классической социологии. Как религия задается экзистенциальными вопросами, так и социология религии ставит их, но уже из оптики социологической теории и ради ее развития.

В начале XX в. социология смогла претендовать на статус самостоятельной науки, в том числе благодаря достижениям в области исследований религии как ключевого источника социальной солидарности. «Элементарные формы религиозной жизни» Э. Дюркгейма [Дюркгейм 1998] или «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера [Вебер 1990] – структурный функционализм или понимающая социология независимо от методологической позиции – корни одни. Век спустя можно с удивлением наблюдать, что продвижение новых социологических

подходов становится возможным за счет заимствования аналитических категорий из социологии религии, ведется ли речь о трансцендентной ценности рыночных товаров (напр., [Beckert 2011]) или о новейших тенденциях в институциональном анализе организаций в форме подхода институциональных логик (напр., [Thornton, Ocasio, Lounsbury 2012]).

В своей статье *God, Love and Other Good Reasons for Practice* Р. Фридланд предлагает говорить о Боге как об аналитической категории, а о религии – как о «темплейте» не только для анализа любых социальных институтов, но и для осмысления понятия института как такового [Friedland 2013, p. 28]. За функционированием любого социального института всегда скрывается не только инструментальная рациональность, но и рациональность ценностная, которая в действительности и обосновывает логику организации повседневных практик. Акторы, действующие в этой сфере, выстраивают свои практики в соответствии с ключевой для этой сферы ценностью, тем самым способствуя ее поддержанию. Там, где это сделать удастся, собственные действия интерпретируются актерами в терминах служения высшей ценностью, служения Богу. Разговор о Боге окончательно выходит за границы храма, теряет мистический оттенок и помещается в контекст целого ряда обыденных представлений современного человека, как, например, «хороший врач – это врач от Бога», и оказывается ключом, открывающим фундаментальные основания этих представлений.

Литература

- Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Просвящение. С. 44–271.
- Волонтерство – это пространство добра (2015). Интервью с Владимиром Хромовым // ЭСФорум. № 3 (44) // <http://www.hse.ru/mag/newsletter/>
- Дюркгейм Э. (1998) Элементарные формы религиозной жизни. Введение. Глава первая // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. М.: Канон+. С. 175–231.
- Забаев И.В., Мелкумян Е.Б., Орешина Д.А. и др. (ред.) (2015) Невидимая Церковь. Социальные эффекты приходской общины в российском православии. М.: ПСТГУ. На грани между религией и социологией (2014). Интервью с Иваном Забаевым // ЭСФорум. № 4 (40) // [http://www.hse.ru/mag/newsletter/2014--4%20\(40\).html](http://www.hse.ru/mag/newsletter/2014--4%20(40).html)
- Павлюткин И.В. (2012) Преодолевая границы между государством и церковью: случай православного университета // Этнографическое обозрение. № 3. С. 47–64.
- Beckert J. (2011) The Transcending Power of Goods: Imaginative Value in the Economy // Beckert J., Aspers P. (eds.) *The Worth of Goods. Valuation and Pricing in the Economy*, New York: Oxford University Press, pp. 106–130.
- Friedland R. (2013) *God, Love and Other Good Reasons for Practice: Thinking through Institutional Logics* // Lounsbury M., Boxenbaum E. (eds.) *Institutional Logics in Action*, Bingley: Emerald Publishing, pp. 25–50.
- Thornton P.H., Ocasio W., Lounsbury M. (2012) *The Institutional Logics Perspective. A New Approach to Culture, Structure, and Process*, Oxford: Oxford University Press.

Cherishing the Grains of Social Communities

Book Review: Zabaev I.V., Melkumyan E.B., Oreshina D.A. et al. (eds.) (2015) *The Invisible Church—Social Effects of the Parish Community in the Russian Orthodoxy*, Moscow: PSTGU.

E. BERDYSHEVA*

*Elena Berdysheva – Candidate of Sciences (PhD) in Economic Sociology and Demography, Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology, Higher School of Economics. Address: of. 530, 9-11, Myasnitskaya St., Moscow, 101 000, Russian Federation. E-mail: eberdysheva@hse.ru

Citation: Berdysheva E. (2015) Cherishing the Grains of Social Communities. *Mir Rossii*, vol. 24, no 4, pp. 175–183 (in Russian)

Abstract

A collection of articles under the general title *The Invisible Church—Social Effects of the Parish Community in the Russian Orthodoxy* was published in 2015 by the publishing house of St. Tikhon's Orthodox University. This review presents the book from the perspective of an interested reader whose research interests, however, lie outside the scope of sociology of religion. The reviewer discusses each section of the collection and highlights research questions inspired by this reading.

The first section assesses the capacity of parishes to shape stronger communities in Russia, that is, communities whose members are connected by feelings of solidarity and who form effective social networks of mutual support. It is argued that this capacity is significant. It is primarily based on trust in the Church, which brings the unchurched citizens into parish communities through various extralitururgical activities organized by parishes.

The second section analyses the influence of religiosity on people's activities in various areas of social life. Using empirical evidence it is shown that the religiosity maintains its own logic in different areas, such as education or social work. It appears to be one of the few remedies against impersonal approaches, bureaucratization, and marketization in socially important areas of life.

The articles from the third section argue that the Church is capable of loosening the tension related to taking responsibility and making difficult decisions, such as having children.

The review pays particular attention to the methods employed in the collection and the analytical achievements which could have been made had the authors of the collection adhered to the strict requirements of sociological research with the use of grounded theory. In general, however, the collection offers a number of important empirical findings that shed light on the complex interactions between the Russian Orthodox Church and Russian society. Yet, the main value of the collection is its contribution to the development of modern sociological theory and methodology, in which the concept of God has become an analytic category of its own.

Keywords: The Russian Orthodox Church, Confessional University, Parish, Community, Religion, Values, Social Networks, Social Work, Fertility

References

- Beckert J. (2011) The Transcending Power of Goods: Imaginative Value in the Economy. *The Worth of Goods. Valuation and Pricing in the Economy* (eds. Beckert J., Aspers P.), New York: Oxford University Press, pp. 106–130.
- Durkheim E. (1998) Elementarnye formy religioznoi zhizni. Vvedenie. Glava pervaya [The Elementary Forms of Religious Life. Introduction. Chapter I]. *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya* [Mystic. Religion. Science. Classics of World Religious Studies], Moscow: Kanon+, pp. 175–231.
- Friedland R. (2013) God, Love and Other Good Reasons for Practice: Thinking through. Institutional Logics. *Institutional Logics in Action* (eds. Lounsbury M., Boxenbaum E.), Bingley: Emerald Publishing, pp. 25–50.
- Na grani mezhdru religiei i sotsiologii (2014). Interv'yu s Ivanom Zabaevym [Between Religion and Sociology. The Interview with Ivan Zabaev]. *ESForum*, no 4 (40). Available at: [http://www.hse.ru/mag/newsletter/2014--4%20\(40\).html](http://www.hse.ru/mag/newsletter/2014--4%20(40).html), accessed 20 June 2015.
- Pavlyutkin I.V. (2012) Preodolevaya granitsy mezhdru gosudarstvom i tserkov'yu: sluchai pravoslavnogo universiteta [Across the Boundaries between the State and the Church: the Case of Orthodox University]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no 3, pp. 47–64.
- Thornton P.H., Ocasio W., Lounsbury M. (2012) *The Institutional Logics Perspective. A New Approach to Culture, Structure, and Process*, Oxford: Oxford University Press.
- Volonterstvo – eto prostranstvo dobra (2015). Interv'yu s Vladimirom Khromovym [Volunteering as a Space of Kindness. The Interview with Vladimir Khromov]. *ESForum*, no 3 (44). Available at: <http://www.hse.ru/mag/newsletter/>, accessed 20 June 2015.
- Weber M. (1990) Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Prosvyashchenie, pp. 44–271.
- Zabaev I.V., Melkumyan E.B., Oreshina D.A. et al. (eds.) (2015) *Invisible Church. Social Effects of the Parish Community in the Russian Orthodoxy*, Moscow: PSTGU.